

ХIII

ДЕЛА И ДНИ

Не удивительно, что Некрасов мало принимал участия в "Мертвом озере", - слишком много у него было забот и хлопот по журналу. Конечно, только его энергия, работоспособность и находчивость спасли "Современник", то есть помогли выдержать все испытания "мрачного семилетия".

Некрасов знал, что журнальный корабль не может плыть сам по себе. Он требует неустанного труда, самоотвержения. Вот почему письма Панаевой конца 40-х годов пестрят такими выражениями: "Некрасов работает как вол", "Некрасов одурел от работы". В 1850 году: "Работает, пьет и играет в карты".

А его письма в это время полны жалоб на хандру, усталость, болезни ("лихорадка... трясет меня каждый вечер... глазная болезнь...") и еще больше - на огромную перегруженность. "Невероятное, поистине обременительное и для крепкого человека количество работы", - так пишет он Тургеневу в Париж. И поясняет: чтобы составить одну только первую книжку журнала на 1350 год, он "прочел до 800 писанных листов разных статей, прочел 60-т корректурных листов (из коих пошло в дело только 35-ть), два раза переделывал один роман (не мой), ... переделывал еще несколько статей в корректурах, наконец написал полсотни писем, был каждый день, кроме лихорадки, болен еще злостью, разлитием желчи и проч." (9 января 1850 года).

Полсотни писем! Что за письма писал Некрасов? Перелистывая их теперь, мы видим, какие усилия применял редактор "Современника", чтобы собрать вокруг него все живые силы - лучших прозаиков, поэтов, переводчиков, публицистов, крупных ученых; каким талантом организатора надо было обладать, чтобы в условиях политического гнета и постоянных запретов делать ежемесячный журнал и содержательным и разнообразным. Вот несколько отрывков из этих писем (1848-1852):

"Когда мы можем рассчитывать на получение Вашей второй статьи? Хорошо бы скорее", - напоминает Некрасов писателю и путешественнику Егору Петровичу Ковалевскому.

"Что касается до вопроса - нужны ли нам Ваши статьи {В ту пору статьями называли почти все журнальные материалы, в том числе повести и рассказы.}, то, кажется, нечего отвечать Вам на него. Очень нужны..." - убеждает он чем-то недовольного Тургенева.

"Любезный Сатин!... Жду от Вас разбора книги Вернадского" (напоминание о рецензии на книгу экономиста И. В. Вернадского).

"Любезный Тургенев!.. Будьте друг, сжальтесь над "Современником" и пришлите нам еще Вашей работы, да побольше, а мы всегдашние Ваши плательщики".

Через месяц:

"Любезный Тургенев... Ради бога, поторопитесь с комедией и вышлите ее на первую книжку - этим по гроб обяжете, а если уж нельзя, то не позднее второй. Крайне нужно!"

Через два года:

"Любезный Иван Сергеевич!.. Решаюсь напомнить Вам о "Современнике"... Верите ли, что на XI книжку у нас нет ни строки, ничего - ибо даже уже и "Мертвое озеро" иссякло".

"Любезнейший Григорович!.. Повесть "Приемыш" с радостью возьму, и очень желаю также взять Ваш роман, который Вы теперь пишете". Через год:

"Любезнейший Дмитрий Васильевич!.. Я не упрекаю Вас... только необходимость заставляет меня быть настойчивым и просить Вас: 1-е) ради бога, поскорее и наверное напишите большую повесть обещанную и 2-е) куда для 11-ой книжки пришлите хоть маленькую..."

"Милостивый государь. Читая Ваши прекрасные статьи в "Библиотеке для чтения", я давно желал просить Вас принять участие в нашем журнале... Нам необходима статья, и эту необходимость как нельзя лучше можете исполнить Вы, если захотите..." (публицисту В. Д. Яковлеву, автору "Писем из Италии"). "Милостивый государь Александр Николаевич... Я желаю, чтоб Вы продолжали разбор ученых (преимущественно исторических) книг и чтоб взяли на себя, по примеру прежних лет, написать обозрение русской исторической литературы за 1851 год" (историку и фольклористу А. Н. Афанасьеву). Так, напоминая, доказывая, иногда требуя, чаще умоляя и упрасывая, Некрасов добивался почти невозможного.

Редактор "Современника" весь в заботах о том, чтобы сделать свое издание как можно более интересным. Он находит и поощряет молодых писателей (М. В. Авдееву в Нижний Новгород: "Я с большим удовольствием прочел Вашу повесть. В ней много хорошего, и Вы имеете несомненный талант. Повесть Ваша будет напечатана не позже как в 9-й книжке..."); придумывает темы критических статей и поручает их, казалось бы, неожиданным авторам (поэту А. Н. Майкову: "А вот Вам работа, коли хотите. Возьмитесь-ка написать о каком-нибудь поэте - Бенедиктове, Баратынском, Языкове, Дельвиге... выбирайте любого"); хлопочет о появлении в журнале статей историка С. М. Соловьева и обращается в Главное управление цензуры с протестом против запрещения статей по русской истории (письмо Соловьеву с сообщением об этом).

Он пишет письма в Симбирск, Ярославль, Одессу, где живут разные литераторы. Он привлекает к участию в журнале молодого композитора, будущего музыкального критика А. Н. Серова, и тот публикует в "Современнике" (1851) цикл статей о спектаклях итальянской оперы в Петербурге и о петербургских концертах. Приглашая Серова, до тех пор еще не выступавшего в печати, Некрасов проявил большую редакторскую проницательность. Можно сказать, что именно он благословил на трудный путь одного из крупнейших русских музыкальных критиков.

Статьи Серова в "Современнике" заметно отличались от обычных журнальных фельетонов на музыкальные темы прежде всего своим профессиональным уровнем. Он впервые поднял вопрос о принципах и задачах музыкальной критики, указал на ее отсталость по сравнению с критикой литературной (несомненно, подразумевалась деятельность Белинского). Он вступился за оперу Глинки "Иван Сусанин", подвергавшуюся грубым нападкам на страницах болгаринской "Северной пчелы", и показал себя приверженцем реалистической эстетики.

В письмах Некрасова "то и дело появляется тема цензуры, извечная тема отечественной словесности. Редактор неблагонадежного журнала постоянно пишет письма цензору А. Л. Крылову, который задерживает выход очередного номера. "Ради бога, почтеннейший Александр Лукич, войдите в наше положение; уверяю Вас честью, что это будет для "Современника" сущее бедствие..." (2 августа 1850 года.). Он обращается к его "доброму сердцу", ссылается даже на "законность" своей просьбы - прочесть роман, который добрейший Александр Лукич почему-то упорно не хочет читать.

Иногда Некрасов просто посылает к цензору своих авторов ("советую Вам... побывать у него и поторговаться"), заранее предвидя, что та или иная статья будет искалечена или вовсе запрещена. В других случаях он начинает "прикармливать" цензора (эта практика была усовершенствована "Современником" впоследствии). Тогда его ближайший помощник по журналу, литератор и критик Гаевский получал записки такого содержания: "Будьте добры, Виктор Павлович, привезите Крылова в Парголово {Некрасов жил на даче в Парголово летом 1850 года.}, взяв коляску... Я накупил отличных вин и фруктов, - во всяком случае верно то, что можем поесть и выпить отменно" (лето 1850 года). И еще сохранилась записочка, в которой Виктора Павловича приглашают на обед с оговоркой, что среди гостей будет все тот же Александр Лукич, "коего мы так привыкли уважать" (!).

Забываясь о журнале, отдавая ему все силы, Некрасов тем самым заботился о русской литературе. Он хорошо понимал это. Он умел находить и открывать. Летом 1852 года в редакцию пришел с Кавказа толстый пакет от неизвестного лица. Не очень разборчивая, хотя и перебеленная писарем, рукопись была подписана буквами Л. Н. Ознакомившись с нею, Некрасов тут же написал ответ в станицу Старогладковскую: "Милостивый государь! Я прочел Вашу рукопись ("Детство"). Она имеет в себе настолько интереса, что я ее напечатаю... Прошу Вас прислать мне продолжение. И роман Ваш, и талант меня заинтересовали. Еще я посоветовал бы Вам не прикрываться буквами, а начать печататься прямо с своей фамилией, если только Вы не случайный гость в литературе" (август 1852 года).

Так началась писательская жизнь двадцатичетырехлетнего кавказского офицера графа Льва Николаевича Толстого. Некрасов был первым, кто указал на его талант и одобрил его "направление" - в ту пору, когда тот еще мучительно сомневался в своем призвании. Получив еще несколько писем от редактора "Современника", Толстой заметил в своем дневнике, что эти письма поднимают его дух и поощряют к продолжению занятий.

В течение нескольких лет, пока кавказский офицер становился постоянным автором "Современника", Некрасов поддерживал с ним переписку и был его единственным литературным советчиком. 2 сентября 1855 года он писал Толстому: "... Может быть, Вам предстоит широкое поприще. Вы начинаете так, что заставляете самых осмотрительных людей заноситься в надеждах очень далеко".

Несколько раньше Некрасов задумал напечатать в журнале цикл критических статей под общим названием "Русские второстепенные поэты". Его цель была в том, чтобы привлечь внимание к отечественной поэзии и доказать, что даже в эпоху всеобщего равнодушия к стихам существуют поэтические таланты, не замеченные или забытые читающей публикой.

Первую статью Некрасов написал сам (1850). Он обнаружил в пушкинском "Современнике" 30-х годов стихи Ф. И. Тютчева, подписанные буквами Ф. Т. Увидев, что они несут на себе "печать истинного и прекрасного таланта, ... исполненной мысли и неподдельного чувства", Некрасов дал им самую высокую оценку, а некоторые смело поставил в один ряд с пушкинскими стихами. Несмотря на заглавие, он решительно отнес "талант г. Ф. Т-ва" к первоклассным поэтическим талантам.

А позднее сам жалел (и говорил об этом сестре), что напрасно назвал статью "Второстепенные..." - талант, как брильянт, не может быть второстепенным, вся разница в величине, - сетовал сам на себя Некрасов. В текст своей статьи Некрасов включил двадцать четыре лучших тютчевских стихотворения и, кроме того, дал читателям библиографическую справку - указал, в каких номерах старого "Современника" помещены впервые эти стихи, с тех пор не перепечатававшиеся.

Таким образом, Некрасов воскресил забытые, но прекрасные строки и вернул отечественной литературе одного из ее великих лириков. Заслуга немалая.

Среди трудов и забот Некрасов, как "отчаянный театрал", не забывал своего любимого Александрийского театра, где когда-то ставились его водевили.

14 октября 1849 года он сидел в креслах Александринки и смотрел спектакль, выходящий, по его словам, из ряда обыкновенных: это был бенефис одного из любимцев московской и петербургской публики - Михаила Семеновича Щепкина, который был добрым знакомым Некрасова. А давали в этот вечер новую комедию - "Холостяк" Тургенева, автора, к которому Некрасов также не мог быть равнодушен. И потому всего через две недели, в ноябрьской книжке журнала уже появился некрасовский отзыв об этом спектакле.

Рецензент не забыл представить Тургенева как сотрудника "Современника", автора "Записок охотника", в которых резко определился его талант. Он поговорил о нем и как о драматурге, указал недостатки пьесы и спектакля. Но еще интереснее в его отзыве были мысли о русской комедии, которой все еще не хватало в театральном репертуаре. Некрасов

отмечает несомненный интерес к ней и публики, и самих актеров. В партере и коридорах после окончания пьесы можно было слышать жаркие толки о новом спектакле, споры, каких, по мнению рецензента, не услышишь после десятка самых эффектных французских водевилей.

Актерам тоже давно приелись пустопорожние фарсы, и потому они серьезно и с уважением отнеслись к тургеневской комедии. И вот вывод: "Явись настоящая русская комедия - и не увидишь, как полетят со сцены, чтобы уже никогда не возвратиться, жалкие переделки и подражания, бесцветные и безличные, натянутые фарсы и т. п."

Так ратовал Некрасов за создание отечественного репертуара. И ещё есть заслуга у Некрасова-журналиста. В поисках публицистических жанров, которые могли бы заменить литературную критику, почти исчезнувшую в эти годы (по причине цензурных притеснений), он изобрел форму свободного очерка или фельетона, позволявшую коснуться разнообразных тем и вопросов. В том числе и таких, какие обсуждать в иной манере было бы трудно. Такой регулярный фельетон - непринужденный разговор с читателем - он поручил вести из номера в номер беллетристу и критику Дружину. Фельетон шел под рубрикой: "Письма Иногороднего подписчика в редакцию "Современника" о русской журналистике".

Александр Васильевич Дружинин начал свою деятельность в 1847 году, в "Современнике"; это был один из авторов, открытых Некрасовым. Он принес сюда свое первое сочинение - повесть "Полинька Сакс", написанную с мыслью о необходимости защитить право женщины на свободу чувства. Выдержанная в традициях натуральной школы, повесть сразу же привлекла внимание Некрасова и вызвала сочувственный отклик Белинского.

Вскоре Дружинин вошел в кружок "Современника" и стал одним из активных его сотрудников (до 1856 года), разделяя многие заботы Некрасова и Панаева. Тогда же, представляя нового сотрудника Тургеневу, Некрасов писал ему в Париж: "Дружинин малый очень милый... всё читает, за всем следит и умно говорит. Росту он высокого, тощ, рус и волосы редки, лицо продолговатое, не очень красивое, но приятное; глаза, как у поросенка" (12 сентября 1848 года).

Дружину было в то время двадцать четыре года. Он печатал в журнале романы, повести, рецензии, переводы. Ему (наряду с А. И. Кронебергом) принадлежали основные материалы по иностранной (главным образом, английской и французской) литературе, которой он усердно занимался, - статьи о Шекспире, Шеридане, серию очерков "Письма Иногороднего подписчика об английской литературе и журналистике" (1853), цикл статей о Дж. Краббе, с поэзией которого Дружинин познакомил Некрасова; заинтересовавшись творчеством этого "поэта: бедных", Некрасов собирался перевести его стихи. В одном из писем он отметил: "Дружинина статья о Краббе очень хороша, а сам Крабб - прелесть!" (4 октября 1855 года).

Вот почему впоследствии, вспоминая раннюю деятельность Дружинина, Некрасов имел основания сказать: он был "одним из ревностных наших товарищей и помощников, - в эпоху особенно трудную для журналистики...".

Фельетоны Дружинина выручали* потускневший критический отдел журнала, подобно тому, как отдел словесности выручали "Три страны света" и "Мертвое озеро". Конечно, в этих фельетонах с их хлесткой манерой было немало балагурства, легко объяснимого особенностями эпохи, "трудной для журналистики", но было в них и другое - осуждение Шевырева и прочих реакционеров, выпады против литературной "аристократии", меткие оценки литературных новинок и т. д. Словом, нельзя не поверить самому Некрасову, отметившему в своем некрологе (Дружинин умер в 1864 году) "блеск, живость, занимательность тогдашних фельетонов Дружинина, которые во всей журналистике того времени одни только носили на себе печать жизни...".

В то же время справедливо мнение, что годы беспросветной реакции постепенно развратили талантливого литератора, убили в нем прежнюю жажду протеста, с которой он вступил на журнальное поприще. "Мало-помалу он полюбил свою роль светского балагура, занимающего досужих читателей легкой, невинной салонной беседой, - писал К. И. Чуковский, -... Скоро он свикся с цензурной неволей и довольно удачно приспособился к ней". В своих

"Письмах" он стал касаться преимущественно безобидных тем, которые не могли вызвать придирок цензуры. А чуть позднее он оказался в том лагере, который резко противостоял "Современнику" и его деятелям.

Накануне 60-х годов Дружинин стал одним из самых активных противников революционно-демократической критики, яростным апологетом теории искусства, отрешенного от жизни. Некрасов не раз выступал против этих взглядов, но, даже отказавшись от сотрудничества с Дружининым, продолжал ценить его деятельность тех лет, когда они много и дружно (по выражению Некрасова) вместе работали для "Современника".

* * *

Редакция "Современника" уже с первых дней его существования стала своего рода литературным клубом, где собирались не только ближайшие сотрудники, но и другие литераторы, так или иначе тяготевшие к журналу. Много способствовали этому известные обеды, которые устраивали Некрасов и Панаев. Здесь обсуждались планы очередных номеров, передавались литературные новости, здесь принимали гостей - чаще всего москвичей, приезжавших в столицу.

Письма и деловые записки Некрасова, рассылавшиеся обычно по утрам с лакеем, буквально пестрят такими приглашениями:

"Вы не забыли, что обедаете у меня?"

"Не придете ли завтра (в пятницу) ко мне обедать? Будут Тургенев, Толстой [А. К.] и некоторые другие. Пожалуйста".

"... Не будете ли так милы, не пожалуете ли к нам в воскресенье обедать?"

"Приходите в воскресенье обедать - мне нужно поговорить с Вами о деле..."

Некоторые обеды в редакции приобрели особую известность. Например, 13 декабря 1853 года, когда в Петербург в первый раз после ссылки приехал Тургенев (он провел полтора года безвыездно в своем Спасском), в его честь был устроен большой обед; Некрасов произнес на обеде экспромт, в котором были такие шуточные строки:

... Он был когда-то много хуже,
Но я упреков не терплю,
И в этом боязливом муже
Я все решительно люблю.

Люблю его характер слабый,
Когда, повесив длинный нос,
Причудливой капризной бабой
Бранит холеру и понос {*},

И похвалу его большую
Всему, что ты ни напиши,
И эту голову седую
При моложавости души.

{* Тургенев панически боялся холеры, что видно из его писем.}

Нередко в дружеском кругу, иногда где-нибудь на даче, занимались коллективным сочинением разных разностей, чаще всего фельетонов, иногда рецензий, даже стихов. Например, летом 1850 года в Парголово у Некрасова частым гостем был Дружинин. Вместе они писали для журнала веселое и неприятное обозрение под названием "Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по петербургским дачам", где описывались похождения

неких светских бездельников: руководствуясь газетными объявлениями, они искали по дачам гувернанток, попутчиков для поездки за границу и т. д. Позднее Некрасов писал фельетон с Василием Петровичем Боткиным ("Заметки о журналах"), причем так увлекся этой формой журнальной работы, что однажды пожаловался ему: "Я хотел было написать [фельетон] на сентябрьскую книжку, да одному как-то скучно и неповадно" (1 сентября 1855 года). Случалось ему писать шуточные стихи и вместе с Тургеневым.

Бывали и такие обеды и встречи, на которых, по словам А. Н. Пыпина (в книге "Н. А. Некрасов", 1905), рассказывались анекдоты, шла "незатейливая приятельская болтовня, какая издавна господствовала в холостой компании тогдашнего барского сословия, - а эта компания была и холостая, и барская. Нередко она попадала на темы совсем скользкие". И тогда беседа окрашивалась довольно крупной "аттической солью". Особенно усердствовал в этом отношении литератор и библиограф (позднее крупный чиновник) М. Н. Лонгинов, не отставал и Дружинин. Побывав однажды, в конце 1852 года, в этом кружке, А. В. Никитенко записал в дневнике: "Обедал у Панаева и не скажу, чтобы остался доволен проведенным там временем". После обеда, отмечает с возмущением Никитенко, завели самые скромные разговоры и читали стихи.

Занятия этого рода Дружинин называл "чернокнижием"; они приобрели некоторую известность в Петербурге. "Пародии, послания, поэмы и всевозможные литературные шалости составили, наконец, в нашем кругу целую рукописную литературу", - рассказывал об этом времени Лонгинов.

Неутомимый сочинитель этих посланий и особенно поэм из скромности не поясняет, что это были за шалости. Пытаясь обелить своих сотоварищей по "чернокнижию", он говорит о дружеских беседах, посвященных "любимым предметам", о молодости собеседников, которая способствовала тому, что даже "мрачное настоящее" не могло вытеснить из этих бесед шуток и веселья. Все это так, и можно даже понять либеральничавшего в те годы Лонгинова, когда он пытается установить связь между разгулом политической реакции (после европейских революций 1848 года) и стремлением молодых литераторов отрешиться от серьезных вопросов, от "мрачного настоящего", погрузиться в атмосферу кутежей и острых ощущений ("уныние овладело всею пишущею братьею..." - писал сам Лонгинов). Однако некоторые из собеседников уже тогда ощущали, что во всем этом веселье проглядывало нечто искусственное (Григорович). И нетрудно заметить, что не на всех участников кружка реакция оказывала одинаково тлетворное влияние. В то время, как одни из них сочиняли куплеты и поэмы, явно не рассчитанные на цензуру ("Пишу стихи я не для дам..." - Лонгинов), другие искали совсем иных путей для выражения своего недовольства "мрачным настоящим", по иным причинам старались обойти цензуру, вступали в борьбу с ней. Известно, что Некрасов именно в это время создал немало социально значительных произведений. Конечно, в первые годы наступившей реакции (1848-1852) в его лирике не было (и не могло быть) острых политических проблем, не было деревенской тематики, в ней явно преобладали любовные мотивы (стихи "панаевского" цикла). Но вспомним, сколько разжаловался поэт на невозможность писать то, что хочется! И даже в это время им написаны, например, сцены "На улице" с их бесхитростно правдивыми зарисовками городской жизни; поэта привлекают здесь не блеск и шум больших проспектов, не нарядные толпы гуляющих - перед ним голодный воришка, укравший калач и схваченный городовым; солдат с детским гробом под мышкой; Ванька-извозчик со своей ободранной клячей... И в последней строке - невеселый итог его наблюдений: "Мерещится мне всюду драма".

В это же время была задумана и начата (1852) поэма "Саша", написаны стихи, в которых Некрасов стремился осмыслить сущность своей поэзии, назначение художественного творчества вообще ("Блажен незлобивый поэт", "Муза") - на пороге нового расцвета своего реалистического таланта. Нельзя сказать, что Некрасов, связанный дружбой и бытовыми отношениями с участниками кружка, был вовсе чужд их барственно-эпикурейских занятий. Он мог даже принять участие в коллективном изготовлении неких куплетов (например, известное "Послание к Лонгинову", конец июля 1854 года), но как далеко отсюда до "чернокнижных" увлечений его тогдашних приятелей! Как же случилось, что этим увлечениям с такой легкостью поддались участники кружка "Современника", люди, знавшие и помнившие Белинского? Думается, в этом сказались отсутствие твердых убеждений у части кружка, определенная

неустойчивость, которая в атмосфере реакции привела их к ослаблению общественных интересов, а в дальнейшем - к полному отречению от заветов Белинского (Лонгинов сделался крайним реакционером, Дружинин - характерной фигурой дворянского либерализма и т. д.).

Некрасов вблизи наблюдал этот процесс и, конечно, понимал, к чему ведет подобная эволюция; не потому ли чуть позже, в поэме "Белинский" (1855), создавая образ великого критика, человека непреклонных убеждений, он в одном из вариантов не пожалел резкого слова и написал так:

Его соратники смирялись
И в подлецов преображались.

Правда, эти строки не вошли в более позднюю редакцию текста, возможно, сам автор нашел их чрезмерно суровыми. Но как бы то ни было, они были написаны; и важны они тем, что позволяют судить, в каком направлении двигалась мысль поэта, когда он, оглядывая недавнее прошлое, думал о Белинском и его "соратниках".

* * *

Тот же Лонгинов, который с 1851 года был завсегдаем петербургского Английского собрания (клуба), уговаривал Некрасова и Панаева вступить в его члены. Сделать это было не так просто: клуб представлял собой фешенебельное и весьма чопорное учреждение со своим особым уставом и ограниченным числом членов (с 1852 года четыреста человек). Основанный иностранными торговыми и деловыми людьми еще в 1770 году, в начале царствования Екатерины, этот клуб вскоре "обрусел" и перестал соответствовать своему названию; он жил, как сказано в очерке истории клуба, "исключительно русской жизнью" {Столетие С. - Петербургского английского собрания. Спб., 1870, стр. 25.}. Членами клуба в свое время были Пушкин и Крылов.

В 50-х годах Английское собрание помещалось на набережной Мойки, на углу Демидовского переулка. На клубные обеды, карточные и бильярдные турниры съезжалась петербургская знать. Некрасов к ней, естественно, не принадлежал. Каждый день до глубокой ночи здесь шла большая игра.

Авдотья Яковлевна пыталась возражать против намерения Некрасова вступить в члены клуба, она опасалась, что при своей давней, как он сам считал, наследственной страсти к карточной игре Некрасов может в нее втянуться. К тому же через Тургенева, бывавшего на клубных обедах, знаменитых стерляжьей ухой, дошел слух, что кое-кто там уже подсмеивался над простоватыми манерами Некрасова. Однако Некрасов не обращал на это внимания и уверял Авдотью Яковлевну, что игра успокаивает раздраженные нервы. Как бы то ни было, но Некрасов и Панаев баллотировались в члены клуба и в 1854 году после усердных хлопот Лонгинова были приняты. С этого времени Английское собрание заняло заметное место в жизни Некрасова. Много лет (вернее, зим) подряд провел он за его зелеными столами. Позднее, в поэме "Недавнее время" (1871), набрасывая сатирическую картину клубной жизни 50-х годов, Некрасов с ироническим пафосом восклицал:

Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры?

Карты были характерной особенностью того времени, почти неотъемлемой чертой светского и чиновничьего быта, больших и малых гостиных. В карты играли генералы и бюрократы, купцы и министры, степные помещики и литераторы. В клубах и салонах в один вечер проигрывали (или выигрывали) целые состояния. Из рук в руки переходили и полуразоренные деревушки, и большие имения с тысячами крепостных душ.

Из рассказов мемуаристов можно заключить: Некрасов в залах Английского собрания представлял собой фигуру весьма необычную. Клубные завсегдатаи скоро заметили, что он отлично играет во все игры, обладает редкой сдержанностью и часто выигрывает. Огромная

сила воли и самообладание не покидали его даже в самый разгар карточных баталий; по отзыву современника, он умел взвешивать "с хладнокровием математического расчета все шансы выигрышей и проигрышей" и умел вовремя прекратить игру. Потому, вероятно, ему и везло. Кроме того, он сам говорил тому же современнику - А. М. Скабичевскому, что привык следовать определенной системе, которую объяснил приблизительно в таких словах:

- Самое большое зло в игре - проиграть хоть один грош, которого вам жалко, который предназначен вами по вашему бюджету для иного употребления... Если вы хотите быть хозяином игры и ни на одну минуту не потерять хладнокровия, необходимо иметь особые картежные деньги и вести игру не иначе, как в пределах этой суммы.

Как видно, в его игре не было азарта. Но были в ней иные особенности. Рассказывают, что в отличие от других игроков его увлекала не столько задача выиграть кучу денег, сколько самый процесс борьбы со слепой фортуной, желание обуздать ее. А. Ф. Кони в своих воспоминаниях со слов самого Некрасова передает, что его влекло "на эту рискованную борьбу между счастьем и опытом, увлечением и выдержкой, запальчивостью и хладнокровием, где главную роль играет не выигрыш, не приобретение, а своеобразное сознание своего превосходства и упоение победы...". Другой современник - Ипполит Панаев (двоюродный брат Ивана Ивановича), много лет заведовавший конторой "Современника" и потому близко знавший Некрасова, утверждает: игра была для него "скорее средство развлечения и отвлечения от тягостных дум, чем страсть".

Интерес к картам Некрасов готов был считать своей наследственной "слабостью". Эта тема нередко встречается в его стихах:

... Но первые шаги не в нашей власти!
Отец мой был охотник и игрок.
И от него в наследство эти страсти
Я получил...

А одному из своих собеседников он сказал по этому поводу так: "Может быть, даже я унаследовал эту слабость в крови. Дед мой был картежник, он проиграл 10 тысяч (душ или десятин - не помню) в карты; отец также был картежник. Но денег я никогда не любил..." Иногда, особенно в более поздние годы, когда ему случалось играть подолгу, запоем, не только в клубе, но и дома, его охватывало недовольство, сожаление о потраченном времени, о бессонных ночах, проведенных за ломберным столом. Беспощадный к себе, он говорил об этом с обычной прямоотой и резкостью. "Я веду гнусную жизнь, которая мешает мне даже поддерживать переписку с людьми для меня дорогими и любезными", - так писал он Льву Николаевичу Толстому в 1858 году.

Конечно, деньги были нужны Некрасову - редактору журнала, бюджет которого далеко не всегда позволял сводить концы с концами. "Карточные" доходы не раз пополняли кассу "Современника"; это позволяло гораздо свободнее, чем прежде, оплачивать труд авторов, помогать сотрудникам и их семьям, поддерживать начинающих писателей - ведь Некрасову случалось даже отправлять кое-кого из них за границу за свой счет!

Тот же Ипполит Панаев свидетельствует, что на личные средства редактора "Современника" поддерживалось "много неимущих людей, много развилось талантов, много бедняков сделалось людьми". Известно также немало случаев, когда людям, так или иначе близким к журналу, регулярно выплачивалось нечто вроде пенсии (например, матери умершего Панаева, малолетним братьям Добролюбова, жене и детям сосланного Чернышевского и т. д.).

Понятно, что расходы разного рода были огромны. А кроме того, надо было поддерживать родных, братьев, даже отца, надо было обеспечить собственное благополучие, этого требовало и видное положение Некрасова в обществе, и сложившийся уже образ жизни. У него не было крепостных деревень, приносивших доходы многим другим писателям. "... Я не только никогда не владел крепостными, - не без гордости заметил он однажды, - но, будучи наследником своих отцов, имевших родовые поместья, не был ни одного дня даже владельцем клочка родовой земли".

Деньги были - в силу обстоятельств времени - одной из постоянных тем творчества Некрасова. И все же, по собственному признанию, он денег никогда не любил и не раз заявлял об этом. В самом конце жизни, уже смертельно больной, диктуя разным лицам воспоминания о своей молодости, Некрасов считал нужным специально коснуться этой темы (в разговоре с С. Н. Кривенко). Он захотел решительно опровергнуть мнение Тургенева - тот где-то сказал, будто Некрасов "любит деньги".

- Натура у меня была скорее широкая, чем склонная к скряжничеству, - говорил Некрасов, - хотя Тургенев и мог подумать, что я человек скупой. Проголодав несколько лет и чуть не отправившись к праотцам, я почувствовал какую-то не то боязнь, не то уважение к деньгам. Я берег каждый грош... Тургенев же был богатый помещик. Получая значительный и определенный доход, он мог разбрасывать и разбрасывал деньги направо и налево. Нередко случалось, что, получив деньги из деревни, он их спустит в два-три дня и приходит ко мне просить денег на обед. Для обеда я никогда не отказывал, а больше не давал...

Среди партнеров Некрасова в клубе встречались разные люди, но любой из них был неизмеримо богаче, чем он, поэтому ему не казалось зазорным обыграть какого-нибудь сибирского помещика-крепостника или петербургского сановника. Он не без удовольствия отмечал эти свои успехи, вспоминая тех, с кем судьба сталкивала его за зеленым столом. Например, в автобиографических набросках мы читаем: "Великая моя благодарность графу Александру Владимировичу Адлербергу. Он много проиграл мне денег в карты...", или: "... Скажу еще об Абазе. Этот симпатичный человек проиграл мне больше миллиона франков, по его счету, а по моему счету, так и больше" {А. В. Адлерберг - государственный деятель, генерал-адъютант, личный друг Александра II. А. А. Абаза - также государственный деятель, близкий ко двору, сторонник реформ 60-х годов. Франк в то время составлял четвертую часть рубля.}.

Позднее все эти сановники пригодились Некрасову-сатирику, знакомство с ними помогло ему сделать выразительные зарисовки клубной жизни. С помощью язвительной насмешки, иронии, анекдота он запечатлел многие типические явления тех лет, вызывавшие его негодование. Вспомним хотя бы услышанные в залах клуба споры крепостников и либералов:

Крепостник, находя незаконной,
Откровенно реформу бранил,
А в ответ якобинец салонный
Говорил, говорил, говорил...

Некоторые приятели-литераторы иронизировали, будто Некрасов, став членом клуба, ведет теперь разговоры о литературе только с высокопоставленными картежниками. В действительности дело обстояло совсем не так. Судя по всему, он как раз старался избегать этих разговоров, не желая, чтобы люди, глубоко чуждые ему внутренне, касались святой для него темы, его высокого призвания. Да большинство этих людей и не знали, что имеют дело с большим поэтом, известным уже не только у себя на родине. Вот почему оказался возможным один анекдотический случай, о котором рассказал сам Некрасов.

Однажды его постоянный клубный партнер А. И. Сабуров, видный сановник, директор императорских театров, когда-то знавший Пушкина, обратился к нему с просьбой "поправить" написанные им стихи, что-то на тему о розе, предназначенные, конечно, для дамы. Некрасов очень удивился:

- Да разве вы, Андрей Иванович, знаете, что я пишу стихи?

И Андрей Иванович чистосердечно признался: недавно в Париже, бывая в аристократических домах, он слышал там разговоры, что лучший поэт теперь в Европе - Некрасов. Узнав эту новость, он дал себе слово, воротившись в Россию, почитать его стихи. А происходило это, видимо, уже в конце 50-х годов.

Известно, что реальные впечатления часто находили непосредственный отклик в стихах Некрасова. Жизнь аристократического клуба, фигуры его постоянных посетителей - сановных бюрократов, миллионеров, министров-казнокрадов, которых он не мог бы встретить ни в каком другом месте, дали ему огромный материал для размышлений о тех, кто составлял верхушку общества и чьи сатирические портреты он создал впоследствии. Можно даже сказать, что наблюдения над "великими мира сего" на близком расстоянии укрепили, усилили сатирическое начало, издавна присущее поэзии Некрасова. Об этом свидетельствуют и постепенно созревавший (с конца 50-х годов) обширный замысел цикла сатир об Английском клубе, и отдельные части этого цикла - поэма "Газетная", где речь идет о газетной комнате (читальне) клуба и ее посетителях, и поэма "Недавнее время", написанная в связи с торжеством по случаю столетия Английского клуба (1870) и содержащая острое обличение его праздной, паразитической жизни.